

МОДУС ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В СФЕРЕ БИОТЕХНОЛОГИЙ MODUS OF PERMISSIONS IN THE SPHERE OF BIOTECHNOLOGIES

Рогожа М.М.

Доктор философских наук, профессор
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

Аннотация

В статье рассматриваются составляющие научного этоса в эпоху биотехнологий, определяется модус долженствования в ценностном пространстве науки, а также опасности замены личной моральной ответственности ученого технической ответственностью лаборатории.

Summary

The paper deals with the components of the scientific ethos at the age of biotechnology. The mode of due in the value space of science is defined, as well as the danger of the substitution of the individual moral responsibility of a scientist by technical responsibility of a laboratory is emphasized.

Сегодня ведутся жаркие дискуссии о состоянии Модерна и Постмодерна. В этих дискуссиях возникает вопрос о роли и значении науки. Основываясь на размышлениях У. Бека о «другом модерне» (переосмыслении базовых предпосылок «проекта Модерна» в рамках традиции классического рационализма), П. Д. Тищенко утверждает, что в эпоху «другого модерна» развивается «другая наука», в которой биотехнологии представляют собой одну из мощнейших точек роста [12, с. 11–12].

В «другой науке» существенно переосмысляются традиционные составляющие научного этоса. Р. Мертон в середине 20-го в. представил концепцию этоса науки в связи с важностью ценностно-нормативной нагруженности научной деятельности. Он определил этос как систему норм и ценностей, которая формируется и воспроизводится в научном сообществе и признается всеми его членами на основе морального консенсуса. Научный этос у Мертона – то «реально-должное» (В. И. Бакштановский [3, с. 25]), которое задает модус долженствования в ценностном пространстве науки, определяет, что должен делать ученый в реальных обстоятельствах своей профессиональной деятельности. В рамках научного этоса Мертон выделил принципы (1.1) универсализма, (1.2) коммунизма / коллективизма, (1.3) незаинтересованности и (1.4) организованного скептицизма в качестве ценностных регулятивов научной деятельности [9, с. 767–780]. Принципы 1.1 и 1.4 касаются условий труда ученых и обеспечивают критерии научности знания. В свете этого соблюдение таких принципов в современной науке является достаточно беспроблемным, а пренебрежение, соответственно, приведет к утрате статуса собственно научного знания (что и происходит в разного рода вариантах лженауки). Принципы 1.2 и 1.3 касаются отношения ученых к продуктам своего труда. И здесь возникают серьезные проблематизации. По Мертону, принцип 1.2 предъявляет требование доступности научных открытий. Открытия являются общим достоянием в том смысле, что представляют собой результат научного сотрудничества и циркуляции идей в едином научном пространстве. «Права собственности» как такового в науке не существует, ученый должен информировать коллег о своих исследованиях и открытиях и предоставлять им доступ к ним. Принцип 1.3 определяет первичность научной любознательности и бескорыстного поиска истины. Б. Барбер, комментируя Мертона, подчеркивал, что императив бескорыстия («Выстраивай свою деятельность так, словно кроме постижения истины у тебя нет никаких иных интересов») осуждает тех ученых, которые используют науку в качестве средства достижения финансового успеха или завоевания престижа вне научного сообщества [Цит. по: 7].

Современность отмечена мощными сдвигами в сторону коммерциализации науки вообще и биотехнологий, в частности. Патент, неотъемлемая составляющая современной науки – это научное знание, которое приобрело чистую форму товара [12, с. 19]. Поэтому, во-первых, нивелируется принцип 1.2 – научные знания перестают быть общим достоянием без «права собственности», ведь перед тем, как научные результаты исследования будут опубликованы, специалисты в области патентования проведут с ними тщательную работу. Во-вторых, элиминируется принцип 1.3 – научные лаборатории университетов и институтов сращиваются с биотехнологическими компаниями, а императив бескорыстности становится излишним – ученый не отстаивает истину, он выступает защитником интересов своего работодателя.

Все это качественно изменяет научное сообщество. Из замкнутой касты «игроков в бисер», ведущей неутилитарную, непонятную для широких кругов деятельность, ученые превращаются в «клуб экспертов», успешно работающих на своих работодателей, отстаивающих не истину, а корпоративные интересы.

Формируются качественно новые ценностные координаты, создающие этос «другой науки». И. Митрофф выделил этические принципы в рамках этого этоса: (2.1) «партикуляризм»: исследования выходят на практическую пользу для корпорации или лаборатории, на которую работает ученый; (2.2) «корпоративный эгоизм»: знания, полученные ученым, принадлежат корпорации, на которую он работает, и в форме патентов могут быть переданы другим представителям научного сообщества; (2.3) «заинтересованность»: исследования мотивируются корпоративным интересом максимизации прибыли; (2.4) «организованный догматизм»: критикуя конкурентов, ученый должен воздерживаться от критики своих работодателей и работ в собственной лаборатории [Цит. по: 13, с. 65–66].

На первый взгляд, принципы Митроффа замещают те, которые были определены Мертоном: партикуляризм вместо универсализма, корпоративный эгоизм вместо коллективизма/ коммунизма, заинтересованность вместо незаинтересованности, организованный догматизм вместо организованного скептицизма. Однако принципы Митроффа сформулированы уже. Так, принцип 2.1 касается только того знания, которое входит в круг интересов лаборатории, не отрицая того, что знание как таковое не зависит от личности исследователей, и в разных лабораториях исследуемые учеными явления протекают одинаково. Так же и принцип 2.4 не устраняет критичности взгляда для верификации релевантности нового знания – он требует воздерживаться от обнародования и критического обсуждения негативных результатов деятельности своей лаборатории, определяя эти вопросы как коммерческую тайну. Очевидно, этос «другой науки» когерентный коммерчески ориентированной деятельности лабораторий, определяя должностное существование существующего порядка вещей.

Такая ситуация в области биотехнологий вызывает озабоченность заинтересованной общественности, т.е. тех широких слоев населения, которые непосредственно зависят от деятельности лабораторий или биотехнологических компаний, или же родственники/ друзья которых пользуются их продуктами или услугами. Не понимая сути процессов, продуктов или услуг лабораторий и биотехнологических компаний, общественность не может им доверять.

Доверие – одна из ключевых моральных ценностей современности, ее можно определить как вынужденность проспективно полагаться на моральные качества других. «Доверие – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [14, с. 52]. Доверие не является результатом действий отдельного человека, оно возникает у человека в связи с отношениями, действиями многих людей и существует только в условиях, когда в обществе есть моральный консенсус: когда определяются общие моральные нормы и ценности, предлагаемые различными социальными институтами.

Разрыв между знанием «клуба экспертов» и «профанов» продуцирует недоверие к специалистам, занимающимся коммерчески ангажированной деятельностью, ведущих нечестную игру. Все это объективно вызывает тревогу. З. Бауман отмечал, что такого рода процессы функционально изменяют запрос на доверие: «Доверие представляет собой способ-жизни-в-тревоге, а не способ устранения тревоги» [15, с. 11]. Вместо того, чтобы быть основанием прозрачности деятельности, доверие обусловлено соблюдением определенных правил, дающих ощущение контроля над ситуацией. Для устройства приемлемого способа-жизни-в-тревоге предлагаются различные стратегии, разрабатываются техники взаимодействия с общественностью таким образом, чтобы сделать их по возможности прогнозируемыми. Одним из вариантов является регламентация поведения, фиксируемая в профессиональных и корпоративных кодексах, а на глобальном уровне – в специальных конвенциях, в соответствии с которыми государства корректируют национальное законодательство. Существуют разные варианты кодификации поведения в области науки вообще и биотехнологий, в частности. Ответственность лабораторий и биотехнологических компаний регулируется посредством норм международного права (например, Конвенция Совета Европы о правах человека и биомедицине с постоянно обновляемыми протоколами), системой национального законодательства, уставами и этическими кодексами конкретных организаций.

Но что представляет собой ответственность лабораторий или компаний? Речь идет о коллективной ответственности, по поводу которой в этическом дискурсе нет однозначной позиции. После разоблачения преступлений середины 20 в. (в нацистской Германии, но также и в США) интеллектуалы обосновали тезис о том, что недопустимо прятаться за безликкой «коллективной позицией» в принятии ответственных решений. Известная сентенция Х. Арендт подчеркивает такого рода опасность: «Когда все или почти все виновны, не виновен никто» [1, с. 413]. Х. Арендт, К. Ясперс и другие мыслители того времени утверждали необходимость индивидуальной ответственности. В современном мире субъектом деятельности все более становятся организации. Однако четкие установки послевоенного дискурса по проблеме личной ответственности вынуждают Дж. Гелбрейта обозначить показатели, отсутствие которых у организации не позволяет ей выступать в качестве субъекта моральной ответственности: сознание, совесть, чувства [5, с. 99–100]. Только человек способен поступать сознательно и добровольно, в соответствии с моральными требованиями. Организация не является человеком, она создана людьми и функционирует только по их воле. Р. Де Джордж отмечал, что о совести организации можно говорить, только имея в виду людей, входящих в ее состав. Организация управляется людьми, существует для реализации их целей, и моральная ответственность лежит на тех, кто в ней работает [6, с. 226–256].

С другой стороны, реалии требуют рассматривать организацию как субъекта коллективной деятельности, имеющего определенные обязательства и несущего ответственность (перед инвесторами и сотрудниками, контрагентами и конкурентами, потребителями и широкой общественностью). Речь идет о принятии решений организацией, а не отдельными ее членами. Однако можно согласиться с предостережениями А. Корлетта, что моральный статус имеют только конкретные сотрудники, и на них лежит моральная ответственность. А об организации как коллективном субъекте можно говорить только тогда, когда каждый сотрудник в организации имеет влияние на принятие решений или имеет реальное право повлиять на него, к тому же в организации существует атмосфера гласности и публичности, предотвращающая превращение демократической процедуры принятия решений в чистую формальность [цит. по: 11, с. 165].

П. Д. Тищенко указывает, что в этосе «другой науки» сужается поле индивидуальной ответственности и расширяется пространство ответственности лабораторий. Но представляется, что работники в лабораториях (ученые) склонны избегать индивидуальной моральной ответственности, списывая свою ангажированность на «ответственность лабораторий». Это не может оставаться на уровне досужих рассуждений философов науки, поскольку биотехнологии выходят на тонкие вопросы здоровья человека и собственно человеческого образа жизни. Ориентированность ученых на формальное соответствие букве уставов, регламентов, протоколов, СОПов для отчета перед контролирующими структурами в условиях этоса «другой науки» превращает их в идеальных бюрократов, которых описал З. Бауман в «Актуальности холокоста» [4, с. 123–126]. Ученые подменяют моральную ответственность технической, когда ориентируются не на конечный результат своей работы, а на безупречность технического исполнения. Технологичность лаборатории подразумевает исчезновение дистанции между ученым и результатом его деятельности, между продуктом и людьми, принимавшими участие в его изготовлении. Вся научная работа, все подготовительные этапы выполнены до того, как появится результат. Ученые работают, не имея представления о том, что будет с их результатом, или отказываются об этом думать. Они оперируют статистикой, свободной от моральных оценок.

В таких условиях, как представляется, индивидуальная моральная ответственность приобретает чрезвычайное значение. Еще в Уппсальском этическом кодексе ученых (1984) была подчеркнута личная ответственность ученых [16, с. 312]. Безотносительно к тому, что предписывают правила лаборатории, формально или ответственно придерживаются в ней протоколов и регламентов, непосредственно от каждого ученого зависит, какую работу и на каких ценностных основаниях он выполняет.

Идея личной ответственности активизирует совесть исследователя. Апелляция к совести вписана в традицию этики, через Канта уходящую к Сократу. В «Горгии» Патон привел высказывание Сократа, ставшее парадигмальным для западноевропейского философствования: «Если бы оказалось неизбежным либо творить несправедливость, либо переносить ее, я предпочел бы переносить» [10, с. 294]. Сократ этой сентенцией направляет моральную жизнь во внутренний мир человека. Х. Арендт в связи с этим подчеркивала, что именно Сократ такой

ориентированностью на самостоятельное мышление задал парадигму устройства внутреннего мира человека: лучше быть в разногласии со всем миром, чем с самим собой; необходимо быть в согласии с самим собой, со своей совестью, даже если для этого окажется необходимым идти против всего мира [2, с. 83–204].

Совесть – это предохранитель в ситуации, когда исследования входят «серую зону», остающуюся вне законодательных и административных регламентов (а биотехнологии и представляют собой сплошную «серую зону» в связи со спецификой предмета деятельности ученых). Только совесть может принудить ученого отказаться от потенциально опасных исследований и разработок, блокировать исполнение сомнительных распоряжений. При всех оговорках совесть – единственная реальность, к которой можно апеллировать.

В этом контексте новое звучание приобретает императив Г. Йонаса: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» или в негативной его формуле: «Не подвергай угрозе условия неопределенно долгого сохранения человечества на Земле» [8, с. 58]. Сформулированный для глобальных инициатив в техногенную эпоху, этот императив способен стать указателем для ученого, осознающего, что от его разработки, от его участка работы зависит будущее человеческой природы, аутентичной человеческой жизни на земле, оценивающего критически моральную сторону своего труда и способного отказаться от выполнения, по его мнению, преступных, вредных/ опасных разработок. Хотя можно признать, что отказ одного ученого приведет на его место другого, который будет менее озабочен моральными вопросами, представляется, что такая позиция является не просто самоустраниением: можно вспомнить деятельность академика А. Д. Сахарова, который, осознав опасности от своих разработок, стал активистом движения за мир и разоружение. Совесть представляет собой такой механизм, который дает возможность оценивать свою деятельность и ставить себе запреты, но и побуждает к активной позиции в отстаивании своих убеждений.

Литература

1. **Арендт Х.** *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме.* – Москва: Издательство «Европа», 2008. – 424 с.
2. **Арендт Х.** *Ответственность и суждение.* – Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. – 352 с.
3. **Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.** *Моральный феномен: от элементарного нравственного порядка к сложной нормативно-ценностной системе // Этическая мысль.* Вып. 8. – Москва: ИФ РАН, 2008. – С. 21–41.
4. **Бауман З.** *Актуальность холокоста.* – Москва: Издательство «Европа», 2010. – 316 с.
5. **Гелбрейт Дж.** *Новое индустриальное общество.* – Москва: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 602 с.
6. **Де Джордж Р.** *Деловая этика.* Т. 2. – Спб.: Прогресс, 2001. – 560 с.
7. **Демина Н. В.** *Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал.* – 2005. – №4. – С. 5–47.
8. **Йонас Г.** *Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации.* – Москва: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
9. **Мертон Р.** *Социальная теория и социальная структура.* – Москва: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
10. **Платон. Горгий // Платон.** *Сочинения в четырех томах.* Т.1. /Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. – Спб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. – 632 с.
11. **Прокофьев А. В.** *Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали.* – Тула: Изд-во ТГПУ, 2006. – 277с.
12. **Тищенко П. Д.** *Био-власть в эпоху биотехнологий.* – Москва: ИФ РАН, 2001. – 177 с.
13. **Тищенко П. Д.** *Что такое биотехнологии? // Биоэтика и гуманитарная экспертиза.* Вып.2. – Москва: ИФ РАН, 2008. – С. 55–82.
14. **Фукуяма Ф.** *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию.* – Москва: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
15. **Bauman Z.** *Postmodern Ethics.* – Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1994. – 255 p.
16. **Gustafsson B., R Rydén L., Tibell G., Wallensteen P.** *Focus on: The Uppsala Code of Ethics for Scientists// Journal of Peace Research.* – 1984. – Vol. 21. –№ 4. – 320 p.